



Индекс 70156

ISSN 0042-8744

12
|||

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

ISSN 0042-8744 Вопросы философии, 2015, № 12

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

2015
|||

12
2015



«НАУКА»

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 12

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2015

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

“НАУКА”

СОДЕРЖАНИЕ

Философия и общество

- А.Н. Чумаков** – Язык как средство коммуникации и решения проблем в глобальном мире 5
- В.П. Булдаков** – Модернизация и Россия. Между прогрессом и застоём? 15
- А.В. Алейников, А.И. Стребков** – Конфликты и социальная стабильность в современной России 27
- И.А. Гобозов** – Постмодернизм – эпоха медиократов 41
- А.А. Бирюков** – Избыточное человечество? Мальтузианство и марксизм о проблеме “лишних людей” 54

Философия и наука

- И.А. Асеева, С.В. Пирожкова** – Прогностические подходы и этические основания техносциальной экспертизы 65
- М.И. Данилова, А.В. Суховерхов** – Биологические и социальные основы эволюции языка и коммуникации: современные дискуссии 77
- И.Л. Андреев, Л.Н. Назарова** – Сознание человека в электронном лабиринте его бытия 88

Из истории отечественной философской мысли

- М.С. Киселева** – Война, вера и власть в культурном контексте Московского царства 50–70-х гг. XVII в.: Симеон Полоцкий и Юрий Крижанич 101
- В.М. Артемов** – Приоритет нравственно-философского измерения свободы в трудах М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина 113
- Ю.В. Синеокая** – Философия Фридриха Ницше как зеркало конструирования постсоветской национальной идентичности России 124

История философии

| | |
|---|-----|
| М.В. Бабкова – Дискуссии вокруг традиции <i>дзэн</i> в японском буддизме XIII–XIV вв. и вопрос о священных текстах | 137 |
| Догэн – Чтение сутр (<i>Канкин</i>). Перевод со старояпонского и примечания М.В. Бабковой | 147 |
| Л.Э. Крыштоп – Государство и церковь: взгляд Канта и Мендельсона | 156 |
| М.А. Сидорова – Даймонион как метафора действующего и мыслящего Кто в философии Х. Арендт | 166 |

Из редакционной почты

| | |
|--|-----|
| Е.С. Соколов – Рождение современной войны | 175 |
| Н.С. Мудрагей – Карл Ясперс о многоуровневой структуре сознания | 187 |
| А.М. Агоев – Проблема свободы выбора в “Шахнамэ” | 193 |

Научная жизнь

| | |
|---|-----|
| П.Д. Тищенко, Б.Г. Юдин – Звездный час философии | 198 |
|---|-----|

Критика и библиография

| | |
|--|-----|
| Р.Р. Вахитов – В.Н. Шевченко, Р.И. Соколова, В.И. Спиридонова. Современные проблемы российского государства. Философские очерки | 204 |
| Д.В. Джохадзе – Intercultural Dialogue: In Search of Harmony in Diversity / Ed. by E. Demenchonok. Межкультурный диалог: в поисках гармонии в различии / Под ред. Э.В. Деменчонка | 209 |
| Указатель содержания журнала “Вопросы философии” за 2015 год | 213 |
| Contents | 223 |

Сайт журнала – <http://www.vphil.ru>

Звездный час философии¹

П.Д. ТИЩЕНКО, Б.Г. ЮДИН

4–5 мая 2015 г. авторам этого обзора довелось принять участие в проходившей в Страсбурге (Франция) Международной конференции “Эмерджентные технологии и права человека”. Это весьма представительное научное мероприятие было подготовлено и организовано Комитетом по биоэтике Совета Европы.

Главная сфера деятельности Комитета – подготовка нормативных документов этического и юридического характера, которые в своей совокупности составляют корпус не только мягкого, но и жесткого международного права. В сферу этого права входит регулирование медицинской практики, особенно в той мере, в какой она насыщается современными биомедицинскими технологиями, и биомедицинских исследований, в которых человек выступает в качестве испытуемого. В силу того, что биоэтическая проблематика носит междисциплинарный, а скорее даже трансдисциплинарный характер, в состав Комитета по биоэтике, в котором каждая из 47 стран-членов СЕ имеет своего представителя, входят биологи, медики, юристы, специалисты по организационному управлению.

Важно, однако, отметить тот факт, что в программе конференции на ведущих ролях оказались не представители всех названных профессий, а философы. Это обусловлено тем, что проблематика конференции концентрировалась вокруг возможных ответов общества на такие технологические вызовы, которые сегодня только еще обозначаются, оставаясь во многом нечеткими, туманными, неопределенными. Оказывается, что в осмыслении такого рода вызовов, во “вписывании” в интеллектуальную повестку дня тех многообразных и противоречивых возможностей воздействия на человека и на общество, которые несут с собой новые, эмерджентные технологии – биомедицинские, информационно-коммуникационные, когнитивные, нанотехнологии – ключевую роль играет именно философия. Иными словами, задачи, встающие в этой ситуации перед философией, получаемый ею – попробуем употребить здесь этот оборот – социальный заказ можно охарактеризовать как “сканирование горизонта”, которое необходимо для выяснения перспектив, открывающихся перед человеком и человечеством, и, что более важно, требующих уже сегодня некоторых решений и действий.

В самом деле, философскими – и по авторству, и по проблематике – были все пленарные и многие секционные доклады, прочитанные на конференции. Более того, в ходе ее подготовки, длившейся по меньшей мере два года, Комитет по биоэтике СЕ обратился к двум исследовательским центрам, занимающимся философскими проблемами науки и технологий – голландскому Институту Ратенау (Rathenau Institute, the Netherlands) и норвежскому Центру изучения естественных и гуманитарных наук Бергенского университета (The Center for the Study of Sciences and Humanities of the Bergen University, Norway), которые подготовили тематические доклады. В этих докладах, с одной стороны, были

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 15-18-30057. The article was prepared due to financial support of the Russian Scientific Foundation project № 15-18-30057.

© Тищенко П.Д., Юдин Б.Г., 2015 г.

представлены обзоры тех перспектив, возможностей и рисков, которые несут с собой эмерджентные технологии, а с другой стороны, предлагались определенные подходы к социальному регулированию их разработки и применения. При этом в качестве призмы, через которую надлежало рассматривать новые технологические возможности и порождаемые ими вызовы, была предложена ключевая для всей деятельности Совета Европы проблематика прав человека.

Как отметила во вступительном слове *Анне Форус* (Anne Forus, Норвегия), председатель подготовительной рабочей группы конференции, в последние годы инновации в области биомедицины во все большей мере базируются на конвергентном развитии различных областей, таких как нанотехнологии, когнитивные науки и информационные технологии. Результат этой конвергенции – усиливающееся взаимодействие между науками о жизни и инженерными науками. Это взаимодействие и конвергенция ставят новые проблемы и относительно того, каковы будут последствия такого развития для прав и достоинства человека. Поэтому очевидной для Комитета по биоэтике становится необходимостью рассмотреть эти новые технологические возможности как основу для своей будущей деятельности, имея в виду прежде всего этические и правовые проблемы, порождаемые новыми формами технологической конвергенции.

Доклад Института Ратенау “От био- к НБИК-конвергенции, от медицинской практики к повседневной жизни” был представлен на конференции сотрудниками института, философами *Рини ван Эстом* (Rinie van Est) и *Дирком Стеммердингом* (Dirk Stemerding). Представив обзор тенденций развития конвергентных технологий, авторы сконцентрировали внимание на проблемах прав человека, возникающих в связи с развитием нейронауки, нанотехнологий, геномики и других -омик.

В докладе отмечается, что конвергенция технологий была и остается существенной чертой научно-технологических инноваций. Но если раньше взаимодействие различных технологий не меняло их сути, то особенностью НБИК-конвергенции является не просто объединение, а взаимопроникновение различных технологий, размывание границ между ними. Сегодня просматриваются две противоположно направленные тенденции: биологизация технологий, в ходе которой технологии во все большей мере опираются на биологические структуры, становятся новой биологией, т.е. новой реальностью существования жизни, но, в свою очередь, и сама жизнь подвергается все большей технологизации – биология превращается в разновидность технологий. В качестве примера авторы назвали гибридные искусственные материалы с включенными биологическими структурами, полученные из стволовых клеток модельные структуры мозга, гибридные искусственные органы, биофармацевтические средства. Граница между природной жизнью и жизнью искусственной стирается. Возникает новый вид артефактов. Одновременно подчеркивалось, что уже идущие дебаты о проблемах, связанных с генетической терапией и инженерией, клонированием, использованием стволовых клеток, значительно усложняются вследствие добавления рисков и существенной неопределенности последствий, которые сулит конвергенция биотехнологий с информационными, нано- и когнитивными технологиями. Последнее обстоятельство делает необходимым совместные действия ученых, политиков, бизнесменов и общественности для разработки эффективных нормативных документов на национальном и международном уровне.

С концептуальной точки зрения конвергенция сопровождается тремя мегатрендами. Во-первых, человек все более и более рассматривает себя в качестве машины. НБИК-конвергенция реализует инженерную установку на создание предсказуемых и контролируемых моделей человеческого существования. С другой стороны, машины становятся все более и более гуманоидными. Инженеры ставят амбициозные задачи: имитировать не только двигательную активность человека, но и его интеллектуальные, эмоциональные и коммуникативные действия. В-третьих, отношения между людьми подвергаются коренной перестройке вследствие прогрессирующего проникновения машин в структуры частной и общественной жизни.

Мы живем, отмечают докладчики, в переломный момент, когда быстро уменьшается расстояние между технологиями и нами самими. Мы впускаем их *внутрь себя* (новые

типы протезирования, искусственные органы, средства, контролирующие жизнедеятельность). Мы помещаем их *между нами самими* (современные средства коммуникаций). В результате технологии получают все больше знаний *о нас* (мониторинг, накопление беспрецедентных объемов информации о людях) и даже могут действовать *совсем как мы*, подражая каким-то чертам нашего поведения (киборги, роботы, компьютерные программы и т.д.). Появляется даже термин “интимные технологии”, который частично включает традиционную семантику интимных отношений, но одновременно указывает на погружение искусственных систем во внутренний мир человека. В целом же технологии становятся все более миниатюрными, все более умными и все более персонализированными. В докладе были поставлены фундаментальные вопросы: каким образом интимные технологии влияют на нашу человеческую природу? Будут ли они делать нас ближе к самим себе и друг к другу?

Мобильный телефон является в этом отношении удачным примером. Тот объем вычислительной мощности, который требовался для доставки человека на Луну в 1969 г., теперь помещается в нашем кармане или футляре. К этому привел целый ряд событий. Так, произошла революция в области материалов. В XIX в. мы могли изучать и производить материалы на микроуровне, теперь же мы можем действовать на уровне в тысячу раз меньше, проектируя объекты наноразмеров. Эта техника способствовала и информационной революции, позволив хранить в цифровой форме большие объемы информации о наших телах и поведении, а затем и имитировать и моделировать тело и поведение. Вместе с тем без мощных компьютеров не удалось бы создать машины, способные производить наноматериалы и продукты. Это – характерный пример конвергенции технологий. В данном случае нано- и информационные технологии переплетаются в виде направленной вверх спирали.

Доклад Центра изучения естественных и гуманитарных наук Бергенского университета “Этические проблемы, порождаемые эмерджентными науками и технологиями” был представлен философом *Рогером Страндом* (Roger Strand). Область исследований и инноваций, отмечалось в докладе, особенно трудна для управления. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, для компетентного управления социальными приложениями науки и технологий может потребоваться знать и понимать содержание этих наук и технологий. Но поскольку передний край исследований движется со все возрастающей скоростью, получение этих знаний и понимания вызывает трудности. Во-вторых, эти сферы по определению создают новизну, удивительное и непредсказуемое. Один из вариантов этого парадокса в регулировании и управлении технологиями называют “дилеммой Коллингриджа”. Воплощение технологий в обществе – сложный, открытый и непредсказуемый заранее процесс. Всю меру рисков и побочных эффектов, согласно этой дилемме, можно узнать только опытным путем, но к тому времени, когда опыт будет приобретен, эти риски и эффекты могут стать необратимыми из-за их масштабов, а также укорененности в инфраструктурах общества или в культуре. Отличная иллюстрация этой дилеммы – появление и последующее распространение легковых автомобилей.

Поэтому управление наукой и технологиями неизбежно будет отстающим и запоздалым, коль скоро оно будет реагировать только на конкретные реальности в форме вполне устоявшихся, используемых и вышедших на рынок технологических приложений. Политическое и регуляторное действие должно включать элементы предвидения, воздействуя на то, чего еще не существует, но что мыслится в качестве науки и технологии будущего. Действительно, благодаря высоким темпам развития существует временной лаг не только в политических и регуляторных действиях, но теперь уже и в интерпретации и понимании этого развития. Иногда новые вещи быстрее *делаются*, чем *понимаются*. Делание, сколь угодно изощренное, может быть ограниченной задачей проектирования и сборки, тогда как понимание требует знания огромного количества взаимодействий между новой вещью и многочисленными другими элементами в природе и культуре.

Наука и технологии будущего – еще более специфический объект с точки зрения управления. Они не есть нечто материальное, скорее они существуют в форме индивидуальных и коллективных *ментальных конструкций*, важным элементом которых является

воображение. Ученые из междисциплинарной исследовательской области изучения науки и технологий (STS – Science and Technology Studies) убедительно показывают, что исследовательская политика, как и исследовательская практика, в существенной мере зависят от *социотехнических мнимостей* (*sociotechnical imaginaries*). Эти мнимости представляют собой нарративы, в которых предвосхищается нынешнее и будущее общество, нынешняя и будущая наука и технологии и их взаимодействие. Некоторые из них отмирают, другие изменяются, а иные транслируются в действия, которые формируют конкретную материальную реальность. Социотехнические мнимости являются конститутивной частью любого понимания науки и технологий, на основании которого можно выносить этические, политические и регуляторные суждения.

Впрочем, как это часто бывает, сложным является не только объект управления наукой и технологиями. В своем нынешнем развитии само управление будет правильно характеризовать как сложное, как управление не сложностью, а внутри *самой* сложности. Все более интенсивными становятся концептуальные подходы, коренящиеся в этике, такие, как ответственные исследования и инновации, идущее снизу вовлечение общественности, демократизация выработки повестки дня исследований и инноваций.

В докладе обсуждалось три линии научно-технологического развития, которые рассматривались как парадигматические случаи – нейро-, нано- и информационно-коммуникационные технологии. В перспективе вероятного будущего развития (т.е. при понимании нынешних мнимостей как ранних сигналов) можно рассматривать по крайней мере такие сценарии, как направленная и делаемая по заказу модификация человеческого генетического материала (вмешательство в зародышевую линию); фармацевтика и машины (протезы конечностей и органов), усиливающие или улучшающие физические, сенсорные и/или умственные способности человека; приборы, которые позволяют наладить функциональный двусторонний интерфейс между мозгом и компьютером.

По поводу этического статуса улучшения человека как такового, отмечали авторы доклада, не существует консенсуса. В литературе можно встретить всё – от общей оппозиции к технологиям, открывающим возможность улучшения человека, до тех, кто опирается на них в идеологии “трансгуманизма”. Авторы предлагают сделать этические дискуссии по технологиям улучшения человека (и новым технологиям в целом) более *этически специфическими*. Исходя из перспективы этики дискурса, признавая законным плюрализм моральных ценностей, представляется ясным, что невозможно выдвинуть решающий аргумент в пользу или против улучшения человека как такового в целом. Скорее необходимо обсуждать *этически значимые характеристики* той или иной конкретной технологии.

Обсужденные в докладе примеры НБИК в имажинативных и реальных проектах совершенствования человека показывают наличие веских причин рассматривать меры мониторинга технологических разработок и непрерывно оценивать потребность превентивных мер с тем, чтобы защищать права человека в области конвергентных технологий. В конце доклада авторы сформулировали пять рекомендаций, обсуждение которых они считают уместным для определения того, на решении каких регулятивных и управленческих задач имело бы смысл сосредоточить деятельность Комитета по биоэтике Совета Европы в сфере эмерджентных технологий.

С глубоким пленарным докладом выступил философ из Сассекского университета (Великобритания) *Энди Стерлинг* (Andy Sterling), который подчеркнул, что линейное представление об инновации как о внедрении научных знаний в жизнь общества архаично. Инновации – это сложный политический процесс (политическая борьба), в котором участвует огромное количество стейкхолдеров и результат которого мало предсказуем. Очень часто для того, чтобы оценить последствия тех или иных инноваций, необходимо их осуществить, рискуя вызвать необратимые изменения как в человеке, так и обществе. Необходима политическая воля различных стейкхолдеров для того, чтобы обеспечить устойчивость (*sustainability*) инновационного процесса, в том числе моральную устойчивость (самоидентичность) общества в потоке постоянных инновационных социокультурных преобразований, неразрывно связанных с научно-технологическими инновациями.

Перекличка с экологическими проблемами тут очевидна. Роль Совета Европы, поставившего вопрос о правах человека как условии и результате инновационной деятельности, трудно переоценить. Право человека, отметим от себя, – это не только политическая абстракция, но прежде всего *обеспеченная* обществом (как позитивно – ресурсами, так и негативно – правопорядком) *потенция* социокультурных и технологических инноваций. Потенция, принадлежащая не только учреждениям (науки, государства или бизнеса), но и самим гражданам. Поэтому Стерлинг настаивает на том, что залогом устойчивого инновационного процесса может быть лишь “инновационная демократия” – конкурентное взаимодействие всех стейкхолдеров. В этом смысле он обсуждает роль различных движущих сил (drivers) инновационной деятельности. Наука, правительство и бизнес склонны, ввиду доминирования конкретных политико-экономических интересов, к сужению (closing down) дискуссионного поля и сведению этического-правовых вопросов к проблемам обоснования и оценки рисков конкретных инноваций (в данном случае НБИК). Средства массовой информации, а через них общественные движения и отдельные граждане, при всех присущих им ограничениях, могут способствовать расширению (opening up) самой повестки дня, включению в обсуждение альтернатив тем технологическим трендам, которые навязываются, лоббируются заинтересованными в дивидендах основными стейкхолдерами.

Совещательные (deliberative) процедуры позволяют включать в обсуждение игнорируемые сложности и нежелательные последствия, защищать маргинальные интересы. Стерлинг в этой связи подчеркивает особую *критическую функцию* философских дискурсов, участвующих в сетевых процессах управления (governance), которые призваны обеспечить устойчивость инновационного развития. Философия работает и на уровне политики, и на уровне тех социотехнических мнимостей, которые выступают в качестве драйверов инноваций. В частности, Стерлинг критиковал образ инноватики как своеобразной научно-технологической гонки. Такая трактовка инноватики оборачивается тем, что вместо комплексной оценки условий и последствий инновационной деятельности обществу навязываются односторонние, бессодержательные оценки типа “отставание”, “опережение”, “лидерство”, “прорыв” и т.д. Природа инновации множественна и сложна (если использовать термин В.И. Аршинова), поэтому адекватным ответом на ее вызовы является современная инновационная демократия.

С заключительным пленарным докладом “Обзор существующих систем и доступных средств инструментов управления”, фактически подводящим итоги конференции, выступила *Шейла Ясановф* (Sheila Jasanoff) философ, проф. Гарвардского университета. Она отметила, что с начала 70-х гг. XX в. западные общества приложили серьезные интеллектуальные и политические усилия для обеспечения приемлемого баланса между благами, которые сулят эмерджентные технологии, и их потенциальным вредом. Были разработаны новые аналитические методики и институциональные механизмы для выявления и оценки диапазона возможных видов вреда, приписывания вероятности каждому из них и снижения их влияния за счет применения лучших практических средств. Уже в начале 80-х гг. в политический дискурс входят понятия оценки рисков и управления рисками, которые, наряду со множеством предиктивных технологий, быстро становятся основой инструментария, используемого правительствами. Удивительно, однако, что прогресс в системах управления рисками технологических инноваций никак не сказался на формировании доверия общества к науке. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры, такие, как широкое отвержение сельскохозяйственных технологий (типа генетически модифицированных продуктов), страхи и паника по поводу вакцин, радиоактивных отходов, клонирования человека и нанотехнологий. В своем выступлении Ясановф подчеркнула, что для преодоления этих негативных тенденций необходимо переосмысление понятия управляемого субъекта, более богатое политическое воображение. Настоятельность этого переосмысления с особой силой диктуют особенности новых био- и информационных технологий, которые по сути дела переписывают заново само понятие человеческого бытия. Успех или неудача в применении инструментов управления находятся в критической зависимости от нашей способности представить этого субъекта как способного к

пониманию и разумному мышлению, а также к выработке этических и эпистемических смыслов.

Тема доклада профессора университета Нимвеген (Нидерланды), философа *Хуба Зварта* (Hub Zwart) была обозначена как “Судьба человеческого субъекта в век интимных технологий и больших данных”. Он отметил, что до последнего времени технологии работали в качестве своеобразных протезов человека, экстенсивно расширяя его власть, завоевывая внешнее пространство. Не случайно З. Фрейд в работе “Недовольство культурой” назвал человека “протезированным богом”. Сейчас, за счет стремительно растущего числа имплантов как в тело, так и в мозг человека внешняя экспансия преобразуется в экспансию технологий вовнутрь человеческого существа. Человек становится все более защищенным и успешным автономным субъектом. Но одновременно те же средства, которые обеспечивают его власть, несут в себе все большую угрозу зависимости от внешнего контроля, от параметров функционирования этих средств. Зwart привел в качестве примера проект Снайдером (Snyderome project), названный по имени известного генетика Майка Снайдера (Mike Snyder), в течение 14 месяцев проводившего на себе мониторинг крупнейшего числа оцифрованных молекулярно-биологических, физиологических и клинических параметров, что позволило получить его построенный на основе -омик цифровой профиль. Была выявлена предрасположенность к некоторым заболеваниям и описана его уникальная биологическая индивидуальность. Полученный портрет был крайне персонализированным, но в то же время и в высшей степени безличностным, максимально раскрывающим индивидов для внешнего контроля (своеобразный “цифровой паноптикум”). Возникает специфическая проблема защиты прав человека, его достоинства и свободы в “эпоху больших данных” (Big data epoch).

Даже краткий обзор работы конференции позволяет, на наш взгляд, очертить довольно широкий круг проблем, которые с течением времен будут становиться все более актуальными. Два десятилетия назад Комитет по биоэтике СЕ разрабатывал Конвенцию о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины: “Конвенцию о правах человека и биомедицине”. Этот документ сыграл и продолжает играть важнейшую роль в этическом и правовом регулировании разработки и применения новых биомедицинских технологий не только на европейском, но и на глобальном уровне. В процессе создания Конвенции, особенно при разработке ее фундаментальных оснований, самое активное участие принимали философы. Однако в дальнейшем, по мере того как Комитет по биоэтике занялся подготовкой регулирующих документов, относящихся к конкретным областям биомедицины, участие философов становилось все менее заметным, теперь востребованной становилась компетентность в медицинской, биологической, юридической и т.п. проблематике. И вот сегодня, как мы видим, философия снова выходит на передовые рубежи осмысления тех далеко не простых вопросов, которые несет с собой научно-технологическое развитие биомедицины, особенно в конвергентной связи с другими НБИК-технологиями.